

УДК 94(47)"1917"

ББК 63.3(2)524

С60

Солоневич, Иван Лукьянович.

С60   Революция, которой не было, или Великая фальшивка февраля / Иван Солоневич. – Москва : Алгоритм, 2016. – 304 с. – (Исторические открытия).

ISBN 978-5-906861-27-6

В этой книге известный публицист, участник белогвардейского движения, бежавший из лагеря за границу, поставил перед собой цель «развезть великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции». Ни по социальному и количественному составу участников тех событий, ни по политическим целям, ни по масштабу произошедшего то, что случилось в Петрограде в феврале 1917 года, никоим образом нельзя считать революцией!

Обнажая механизмы «дворцового переворота», автор прежде всего опровергает миф об английских интригах, приведших к нему, и не щадит ни левых теоретиков-утопистов, ни правых — предателей, ни бездарных «генералов от канцелярии», вычистивших в начале Первой мировой войны армию от честных и преданных России военных. Автор предупреждает: «Правда о Феврале будет тяжелой правдой...» — и рассказывает, как «Россию губили и справа и слева и как фактически обстояли дела».

УДК 94(47)"1917"

ББК 63.3(2)524

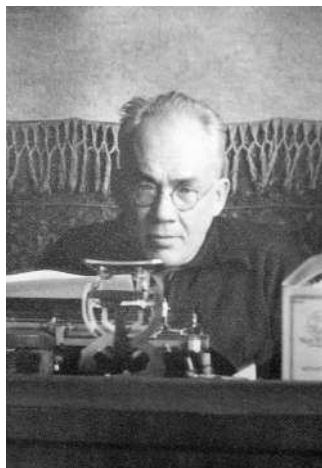
ISBN 978-5-906861-27-6

© Манягин В.Г., сост, 2016

© Солоневич И.Л., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

И. Л. СОЛОНЕВИЧ

1 ноября 1891 года в Вольском уезде Гродненской губернии в семье мелкого чиновника, впоследствии известного публициста, Лукьяна Михайловича Солоневича и его супруги Юлии Викентьевны, родился первенец, названный Иваном.

Детство и юность Ивана Солоневича прошли в Гродно и Вильно. Учеба — в гродненской гимназии. Еще в гимназические годы Иван начал печататься в газете «Северо-западная жизнь». Здесь же, в газете «Северо-западная жизнь», он знакомится со своей будущей женой — Тamarой Владимировной Воскресенской (1894—1938), дочерью офицера. Женившись на Тамаре Владимировне, И. Л. Солоневич переезжает в Петроград. Там вскоре рождается их единственный сын Юрий.

Начав с участия в спортивных занятиях польского клуба «Сокол» (1908—1910), Солоневич стал затем одним из организаторов витебского русского «Сокола», а потом работал и в петербургском. В своих спортивных достижениях в 1914 году

Солоневич занял второе место на всероссийских состязаниях по поднятию тяжестей.

В Петрограде Иван Лукьянович поступает на юридический факультет университета, а в начале Первой мировой устраивается на работу в суворинскую газету «Новое время». Вскоре Солоневич был призван в армию. Но на фронт его не послали из-за сильной близорукости.

В феврале 1917-го студенты-спортсмены, в том числе и Солоневич, для поддержания порядка организовали студенческую милицию. Будучи начальником Василеостровского отдела этой милиции, И. Л. Солоневич во время корниловского мятежа 1917 года находился при атамане Дутове.

С приходом большевиков к власти, с началом Гражданской войны, братья Иван и Борис Солоневичи бегут из Петрограда на юг, в Киев. Они работают на белых, добывая секретную информацию. Средний брат Всеволод (1895—1920) погибает в армии Врангеля. Эвакуироваться с остатками врангелевцев Ивану Солоневичу помешала болезнь — сыпной тиф.

На юге И. Л. Солоневич задерживается до 1926 года, работая в советских профсоюзах. С 1923 года он служит спортивным инструктором в Одесском продовольственном губернском комитете. В 1926 году, переехав в Москву, Солоневич стал инспектором ВЦСПС по физкультуре и спорту.

Когда младший брат Борис, отбыв срок в концлагере на Соловках и ссылку в Сибири за подпольное руководство скаутским движением, вернулся в Москву, братья стали готовиться к побегу из Советской России. Жена Ивана Солоневича заключает фиктивный брак с немецким техником и, получив германское подданство, в 1932 году уезжает в Берлин. Первая попытка побега была предпринята в 1932 году, через Карелию. Но братья не знали, что это район магнитных аномалий, — их компасы неправильно показывали направление. Они заблудились, Иван заболел — братьям пришлось

вернуться. Вторая попытка была еще менее удачна: Бориса, Ивана и его сына Юрия, несмотря на их сопротивление (их опоили снотворным, но даже в полусонном состоянии Борис успел сломать челюсть одному из чекистов), сотрудники ГПУ арестовали в поезде по пути в Мурманск. Братьям дали по 8 лет концлагеря, а Юрию — 3 года.

Однако Солоневичи смогли бежать из Свирского лагеря, и 14 августа 1934 года Иван Солоневич с сыном Юрием удачно переходят финскую границу. Борису Солоневичу удалось это двумя днями раньше. Попав в Финляндии в фильтрационный лагерь, Иван Лукьянович, взяв взаймы карандаш и бумагу, начинает описывать все то, что пережил в СССР. Так родилась знаменитая книга «Россия в концлагере», принесшая автору мировую славу и финансовую независимость. «Россия в концлагере» создавалась два года. Все это время Солоневичи разгружали мешки и бочки в Гельсингфорском¹ порту. В Финляндии Иван Солоневич прожил около двух лет (1934—1936). Затем ему удалось достать визу в Болгарию.

Его книга «Россия в концлагере» разошлась сотнями тысяч экземпляров на разных языках мира. Гонорары с иностранных изданий позволили писателю начать издавать в 1936 году в Софии газету «Голос России».

Он старался организовать на основе кружков любителей газеты «Голос России» сплоченную организацию народно-монархического направления. Подобная деятельность не осталась незамеченной советскими спецслужбами: 3 февраля 1938 года в редакции «Голоса России» прогремел взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь Николай Петрович Михайлов. Вскоре прекратилось и издание «Голоса России».

Весной 1938 года И. Л. Солоневич переезжает в национал-социалистическую Германию — единственное место,

---

¹ Хельсинки. — Ред.

где он мог чувствовать себя в безопасности от преследований советских властей. Находясь в Германии, он организует в Болгарии новое издание — «Нашу газету», первый номер которой вышел 19 октября 1938 года, последний — 18 января 1940 года. С началом Второй мировой войны издавать газету стало невозможно, и она прекратила свое существование.

В 1940 году была предпринята попытка создания журнала «Родина», но не было возможности из Германии редактировать журнал в Болгарии. Тем более что в 1940 году И. Л. Солоневич был приглашен для организации пропаганды финским Генеральным штабом — в то время шла советско-финская война. «Моя задача, — писал Солоневич о своей работе, — сводилась к тому, чтобы убедить финское правительство принять лозунг: «Борьба за нашу, но и за вашу свободу».

Вернувшись обратно в Германию, Солоневич пытается объяснить немцам, что в России, в случае войны, их не ждет легкая победа. Это не могло нравиться властям Германии, и гестапо не оставляет в покое непокорного писателя: несколько раз его арестовывают и наконец ссылают в провинцию — в Темпельбург, где он и проживет, до конца Второй мировой войны...

После войны он попал в английскую оккупационную зону, где бедовал до 1948 года, когда решил переехать в Аргентину. 18 сентября 1948 года начинает выходить газета «Наша страна», издающаяся до сих пор. В Аргентине Солоневич публикует главную книгу своей жизни — «Народную монархию» (1952). Но вскоре Солоневича высылают из Аргентины. Он оседает в Уругвае и продолжает писать для «Нашей страны». Умер Иван Солоневич 24 апреля 1953 года в итальянском госпитале в Монтевидео вскоре после перенесенной операции рака желудка.

ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас, когда керенское сборище, организованное на социальной базе случайных долларов, — никакой иной социальной базы у этого сборища *нет* — начинает что-то пищать от имени России, — нам нужно, наконец, развеять великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции. Эта ложь культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают: ВКП(б) говорит: «Народ сделал революцию». Ультраправые говорят: «Чернь, обманутая левыми, сделала революцию». Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых «народ» сидит в концлагерях, а «избранные» разбежались по Парагваям. Новая эмиграция не имеет почти никакой возможности отличить заведомую чушь от реальных исторических фактов и строительство легенд — от реальных социальных отношений в довоенной России. Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов, собирают горы цитат и показаний и, как и полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса. Не видят того, что дворцовый пере-

ворот был результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории.

Лично я был профессиональным свидетелем событий всего 1916 и 1917 гг. — политическим репортером крупнейшей газеты России — суворинского «Нового времени». Даже и для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба. Но о личных своих воспоминаниях я говорить не буду. Я постараюсь дать анализ социальной обстановки 1916 года и уже после этого приведу документальные данные о Феврале и его авторах.

По чисто техническим условиям я могу дать только очень схематический обзор событий. Для этой темы нужна бы книга — небольшая, но документированная беспорными данными, книга, которую можно было бы дать в руки любому человеку России и показать, — здесь нечего даже и «доказывать», — как Россию губили и справа и слева и как фактически обстояли дела. Но до сих пор, за тридцать лет эмиграции, такой книги нет. Не было времени. Не было денег. И, уж конечно, не было никакого желания.

Это *очень* тяжелая тема. И я очень долго откладывал ее. Но дальше откладывать нельзя, ибо керенские и иже с ними готовят нам всем повторение: и Февраля, и Марта, и так далее, до Октября включительно. С той только разницей, что Керенщина 1917 года застала страну, полную противоречий, но полную сил. Сейчас противоречий бу-

дет, может быть, не меньше, чем их было в 1917 году, но хлеба — нет, жилищ — нет, одежды — нет, страна придавлена и чудовищным аппаратом ВКП(б), и чудовищной промышленностью для войны за мировой коммунизм, и чудовищностью предстоящей войны.

Сейчас не время ни для мифологии, ни для фальшивок. Кроме всего этого, мы должны иметь в виду, что «наследники Февраля», собравшиеся в Штутгарте, готовят если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации России, что темные доллары им даны именно под этим условием, что они приняли и условия и доллары.

Правда о Феврале будет *тяжелой* правдой — легких правд у нас *нет*. Но эта тяжелая правда имеет и чисто практическое значение: нельзя допускать к власти никого из тех людей, которые справа сделали Февраль, а слева стали его углублять. Правда, все эти люди были только вывесками над событиями страшной нашей истории, и их *личные* преступления теряются в море исторических сдвигов. О Великой французской революции Талейран говорил: «В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же». О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый *факт*.

В числе прочих объяснений Февраля есть и еще одно, вероятно, самое глупое и самое позорное из всех имеющих в распоряжении эмигрантской публики: английские интриги. Надо-де было изъять Россию из числа *будущих* победителей для того, чтобы не выполнить договора о проливах. Изъятие России ставило, прежде всего, под са-

мую непосредственную угрозу всю судьбу войны, во-вторых, перемена режима никак не влекла за собою аннулирование международных договоров и, наконец, в-третьих, у английского посольства в Петрограде не было *никакой* возможности оказать заговору какую бы то ни было техническую помощь, а в материальной помощи участники заговора не нуждались никак: А. Гучков и М. Родзянко были богатейшими людьми России — никакие деньги им не были нужны. М. Алексеев богатым человеком не был. Но, как бы ни расценивать его личность, — нельзя же все-таки предположить, чтобы он продал своего Государя *за деньги*. Сэр Д. Бьюкенен и его дочь в своих мемуарах категорически отрицают какое бы то ни было английское участие в Февральском перевороте. Сторонники теории английской интриги не приводят *никаких* фактов, которые могли бы ее подтвердить. И единственное, на что они указывают, это на то, что совещания участников заговора происходили в английском посольстве. С совершенно такой же степенью безопасности они могли собираться и у Гучкова, и у Родзянки, и в штабе Алексеева, и вообще где угодно — сыскной машины ВЧК—МВД тогда ведь не существовало. О нашем правящем — или правившем — слое можно быть очень низкого мнения. Сторонники теории английской интриги, сами не сознавая этого, пропагандируют самое низкое мнение, какое только может быть: наш правивший слой дошел-де до такой степени разложения, что достаточно было показать ему пачку фунтов стерлингов, чтобы толкнуть его на любое предательство. Такого мнения не придерживаюсь даже и я.

О СИМВОЛИКЕ ВООБЩЕ

Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью — получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр Первый был сделан Великим, Екатерина II — Великой, Павел I — безумцем, Николай Первый — Палкиным. Примерно по такому же рецепту знаменитый Моммзен писал свою знаменитую римскую историю, и проф. Виппер, анализируя моммзенские изыскания, скорбно констатирует, что все они имели, в сущности, в виду только одно: политическую пропаганду того, что впоследствии было названо прусским милитаризмом: «Вот видите, древние римляне поступали точно так же, как должны поступать мы: «Хайль Гитлер!»

Гитлера, правда, во времена Моммзена не было, но Гитлер родился именно из Моммзена. Это только подпрапорщики запаса могут полагать, что «великие люди» появляются на свет Божий путем самозарождения. Трагедия заключается в том, что большинство человечества состоит все-таки из вот таких подпрапорщиков. Им, подпрапорщикам, нужен *символ*. Что-то простое, явное, осязаемое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою, — слой сплачивается около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации — как

утешение. Таким символом стало для Франции 14-е июля, день взятия Бастилии. А казалось бы, чего тут праздновать? Ведь как-никак взятие Бастилии если и символизирует что бы то ни было, так только начало падения страны с первого места в Европе и в мире на — трудно сказать на какое именно место, что-то в пределах второй половины первого десятка. Но вот, празднуют...

Противоречие символики с самыми очевидными фактами не играет, по-видимому, никакой роли. Вот умный человек. Лев Тихомиров, пишет, что Петр Первый понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для России, гениальности Петра Первого хватило только на законодательное прожектерство... И — все-таки: гений. Другой, тоже умный человек, В. Ключевский, вертится, как черт перед заутреней, сам себе на каждом шагу противоречит, а опасные пункты символики старается обходить как можно осторожнее. Проф. Платонов посвятил целую книгу реабилитации петровской гениальности — в Советской России это предприятие *абсолютно* безнадежное — и самым тщательным образом обходит: и дезертирство под Нарвой (при пятикратном превосходстве сил), и бегство из под Гродно, и, наконец, такой военный скандал, какого в русской истории больше не было никогда: Прутскую капитуляцию. И Нарва и Гродно объясняются стандартизировано: престиж шведской непобедимости. И старательно обходится стороной нам почти неизвестный генерал-майор Келин, у которого в Полтаве было: четыре тысячи «гарнизонной команды» и четыре тысячи «вооруженных

обывателей» и который был, по-видимому, совершенно не проницаем ни для какого «престижа» Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую «гарнизну» и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла XII так, что от нее осталась — по Ключевскому, «голодная и оборванная толпа», и, кроме того, толпа, лишенная пороха, а следовательно, и артиллерии. Полтавская победа над этой толпой была описана двести пятьдесят раз. А о генерал-майоре Келине я не смог найти никакой литературы. Не знаю, есть ли она вообще. Вероятно, нет. Ибо, если мы сопоставим два факта: а) дезертирство при Нарве, при пятикратном превосходстве русских сил и б) защиту Полтавы при четырехкратном превосходстве неприятельских сил, то совершенно *очевидно*, что от стратегического гения Петра Первого не останется абсолютно ничего. Но этот «гений» был необходим *социально* для правых, ибо он символизирует начало крепостного права, и для левых, ибо он символизирует революционное насилие над нацией.

Практически в установлении крепостного права Петр Первый был абсолютно ни при чем. Он не отдавал себе отчета в том, что делалось вокруг него и от его имени. Екатерина Вторая отдавала себе совершенно ясный отчет: она то взывала к Сенату, то писала указы, то плакала — но сделать она не могла ничего: ее убили бы еще проще, чем убили Императора Павла Первого.

Эта маленькая справка по поводу исторической символики приведена потому, что история — или, точнее, историография — Февральской революции с изумительной

степенью точности повторяет рецепт артиллерийского производства: берется дыра и дыра обливается выдумками. Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован:

а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии — тут главную роль сыграл Родзянко;

б) денежной знатью — А. Гучков и

в) военной знатью — ген. М. Алексеев.

У каждой из этих групп были совершенно определенные *интересы*. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы — но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность — вызвали на Сенатскую площадь *массу*. Большевицкий историк проф. Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя Императора и от армии и от «массы», что и проделал ген. М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был ген. М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были абсолютно ни при чем. И только после

отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Милюков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин — по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже — в апреле — мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа или Лиги, «помещиками, фабрикантами и генералами». Так что, если члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий клянутся великими принципами Февраля, то они клянутся принципами «помещиков, фабрикантов и генералов». По всей вероятности, ни о чем этом члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий и понятия не имеют.

Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра Первого. Правые, которые сделали революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, в нечистой силе и в деятельности темных сил, ибо как признаться в том, что «темными силами» были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут об этом говорить и левые — ибо что тогда останется от *народной* революции? От великих завоеваний Февраля? И от «восстания масс против проклятого старого режима»? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к *их* среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно

свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя.

Таким образом, фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются все свалить на народ, правые — на народ, «обманутый левыми».

Как будет *показано* дальше, никакой «народ» *никакого* участия в Феврале не принимал. Но кое-какие массы принимали кое-какое участие в «углублении Февраля» — а что им оставалось делать? Веками и веками привычная власть пала. Кому было верить? Массы не верили *никому*.

Прежде чем перейти к изложению фактической стороны событий конца 1916 года, когда заговор назревал, и начала 17-го, когда он был реализован, попробуем поставить вопрос: кому это было нужно? — *qui prodest?*¹ Нельзя же, в самом деле, предполагать, чтобы люди по пустякам пошли на такое предприятие, которое при неудаче грозило виселицей. Чтобы такие факторы, как болезненная застенчивость Государыни Императрицы, могли бы толкнуть людей на государственный переворот. Или чтобы даже и Распутинская легенда, созданная верхами аристократии, могла играть какую-то реальную роль. Ведь вот никого в свое время не возмущали ни Орловы, ни Зубовы — при всей фактической стороне их плодотворной деятельности. Почему *вымышленное* «влияние» Распутина могло вызвать негодование? И именно в тех слоях, которые по ежедневной своей практике не могли не знать, что никакого

---

¹ Кому выгодно (*лат.*) — Ред.